

СЕВЕРОКОРЕЙСКАЯ ПОЛИТИКА «СОНГУН» (ПРИОРИТЕТНОЕ ВНИМАНИЕ АРМИИ): МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

Валерий Юрьевич МИШИН,
научный сотрудник Института
истории ДВО РАН

Давно известно, что наличие или разработка в том или ином государстве «доктрин», «курсов», «политик» является зеркальным отображением состояния внутренней и внешней политики этого государства. Порой графическое исполнение этих «доктрин» и «курсов» в виде политических лозунгов бывает вполне серьёзным по смыслу и направленности, а иногда и весьма экзотичным. Из истории нашей многострадальной Родины мы помним и «гидр контрреволюции» и «акул империализма». В период китайской «культурной революции» основным политико-идеологическим лозунгом был «Разбить башку проклятым ревизионистам!»

В последние годы в политической лексике КНДР появилось множество неологизмов, а в политической пропаганде — сотни лозунгов с новыми идеологемами. Основопологающим понятием нового идеологического курса руководства КНДР является «политика Сонгун», при которой «...армия берёт на себя самую главную, правофланговую роль». Слово «Сонгун» — это аббревиатура, где первый слог означает «лидерство», «передовой», а второй — «армия».

Представители Северной Кореи термин «Сонгун» связывают с семантикой русского словосочетания «приоритет армии», но, поскольку такой перевод часто не отвечает стилю русского языка, они предлагают оставить «Сонгун» без перевода. Так в лозунге «Сонгун — это судьба Кореи» вполне допустим калькированный перевод: «Приоритет армии — это судьба Кореи»¹.

Каковы истоки доктрины «Сонгун» и кто её разработчики?

Период с 1995 по 1998 г. — трёхлетний траур после смерти Ким Ир Сена. Этот срок был обозначен как «...трудный боевой поход, во время которого все должны быть собранными и стойко переносить тяготы полевой жизни». В январе 1998 г. его сменил «мощный боевой поход», а 5 сентября 1998 г. состоялась 1-я сессия Верховного народного собрания КНДР десятого созыва, в повестку дня которой входили три ключевых вопроса: изменения в конституции страны, выборы Председателя Комитета обороны и кадровые назначения.

В процессе конституционной реформы Ким Чен Ир начал перестройку государственно-политического аппарата «под себя». Посты президента страны и генерального секретаря ТПК навечно остались за покойным Ким Ир Сеном, а вся фактическая власть сосредоточилась в Комитете обороны КНДР во главе с Ким Чен Иром.

Если до 1992 г. Комитет обороны в основном был номинальным органом, который согласно статье III предыдущей Конституции осуществлял «руководство и командование всеми военными силами страны», то нынешний является принципиально новой структурой с весьма солидными полномочиями.

Согласно положениям новой Конституции теоретически Ким Чен Ир можно отрешить от власти, поскольку его должность даёт ему право курировать исключительно военные вопросы. Видимо, по этой причине, несмотря на титул вождя харизматически легендарного типа, Ким Чен Ир вынужден был прикрыть свой «тыл» с помощью разработки принципиально новой доктрины. Но он прекрасно понимал, что взамен отработавшей идеологии «чучхе» («опора на собственные силы») в изменившейся обстановке для народа нужна качественно новая идеологическая узда. Так и родилась «политика приоритета армии».

Из чего исходил Ким Чен Ир и его помощники при разработке «Сонгун»? Несмотря на весьма серьёзные материальные трудности, в КНДР на достаточно высоком уровне поддерживаются военная промышленность и военное образование. В этой связи армейские кадры, из которых комплектуется как офицерский состав, так и руководство военно-промышленного комплекса, в целом лучше осведомлены о положении дел и поэтому более остро понимают опасность поражения в войне с потенциальным противником, с другой стороны, отчётливо осознают необходимость срочного вывода страны из кризиса. Кроме того, Ким Чен Иру управлять военной структурой проще, чем гражданской. Для армейских методов характерна более чёткая система вертикального подчинения с меньшим промежуточным согласованием в процессе принятия решения.

Используя политико-идеологическую основу «Сонгун», Ким Чен Ир с 1998 по 2003 г. произвёл серьёзную ротацию руководящих кадров. Так, состав Комитета обороны был обновлён на треть. Из десяти членов только двое являются гражданскими лицами. Верховное народное собрание нового созыва на 52% состоит из людей моложе 50 лет, с высшим образованием (число депутатов, имеющих реальные научные степени или научные звания, выросло с 48 до 89,5%).

Первый виток преобразований, пришедшийся на 1997—1998 гг., был направлен на оздоровление власти и укрепление функционирования командно-административной системы за счёт «преобразования общества по образцу армии». С точки зрения политического прагматизма, Ким Чен Ир выбрал, возможно, единственно правильный путь. Он учёл все внешние и внутренние факторы, влияющие сейчас на выработку политических решений в Северной Корее. В их числе — сложно реформируемая авторитарная система, продолжающееся жёсткое политическое противостояние КНДР и США, фактическая экономическая блокада страны².

С одной стороны, кажется, что политика «Сонгун» вполне оправдывает курс на оздоровление КНДР, но с другой — возникает тревожное ощущение, что под знаменем «Сонгун» происходит милитаризация страны, превращение её инфраструктуры в единый военный лагерь. Если это так — эта мера вынужденная. Причиной тому являются нескрываемые агрессивные планы США в отношении КНДР. Именно Америка в лице нынешнего политического руководства поставила Северную Корею в позицию загнанного волка, готового к последнему смертельному прыжку.

Не исключено, что успокоительный тон американских заявлений о том, что «возникновение вооружённого конфликта на Корейском полуострове сейчас маловероятно» и что у «США нет никаких намерений нападать на Северную Корею» является дезинформацией, которая согласно военной науке есть «важное подготовительное мероприятие перед началом военных действий». Иначе, как относиться к заявлению командующего 7-м флотом США вице-адмирала Джонатана Гринерта: «Американские корабли, возглавляемые авианосцем «Кити-Хок», на регулярной основе взаимодействуют с ВМС Республики Корея и проводят маневры у берегов Корейского полуострова. Мы глаз не спускаем с КНДР, и проводимые в той зоне военные учения — ещё одно звено в поддержании американской боевой готовности в регионе. Учитывая серьёзность обстановки на Корейском полуострове, ВС США всегда готовы дать ответ на любые неожиданности и возникновение чрезвычайных ситуаций. Поступающие ежедневно разведанные об обстановке там имеют абсолютный приоритет перед остальными сообщениями...»³

Ответ на это со стороны КНДР не заставил долго ждать.

2 февраля 2005 г. на расширенном собрании руководства Трудовой партии Кореи, представителей госаппарата, командного состава КНА и членов кабинета министров по случаю 10-й годовщины политики «Сонгун» премьер-министр КНДР Пак Бон Дю заявил: «На агрессивные шаги американских империалистов необходимо ответить решительным и безжалостным военным ударом, а на политическое и дипломатическое давление — жесточайшими контрмерами. Все граждане страны должны осознавать важность военного дела, добросовестно работать на укрепление обороноспособности страны, а в случае необходимости как один защищать Родину с оружием в руках».

В этой связи автор не зря сравнил Северную Корею с тем «волком», который, защищая себя и свою стаю, в отчаянии готов прыгнуть «за флажки». Решится ли военно-политическое руководство КНДР в критической ситуации нанести ракетно-бомбовые удары по американским военным базам в Южной Корее и Японии? По всей видимости, не исключено. Кроме того, возможен вопрос: А в состоянии ли вообще КНДР с учётом экономического положения вести военные действия по нормативам тактики современного боя?

Вполне вероятно. Это мнение можно подкрепить цифрами.

По некоторым данным, безусловно, нуждающимся в проверке и уточнении, в настоящее время на 23 млн. чел. всего населения страны приходится 1 млн. 170 тыс. военнослужащих. Соотношение военных и гражданского населения в КНДР составляет 1:22; в России на 145 млн. человек населения такое соотношение — 1:116. По этому показателю северокорейские ВС занимают пятое место в мире. С 2000 по 2004 г. в составе КНА появилось восемь новых мотострелковых дивизий. Общее их число сейчас 75. На начало 2005 г. в КНА имеется 13 500 артиллерийских орудий, САУ, реактивных систем залпового огня. Это на одну тысячу единиц больше по сравнению с 2001 г. Созданы самые крупные в мире войска специального назначения численностью до 120 тыс. чел.

За последние четыре года численность резервистов с 5 млн. чел. увеличилась до 7,7 млн. По оценкам МО Республики Корея, на Севере накоплены значительные запасы химического и биологического оружия в суммарном

боезапасе от 2500 до 5000 т. Под знаменем «Сонгун» военная доктрина КНДР в нынешнем виде приобрела очертания наступательного характера. Так, по данным южнокорейской разведки, 70% группировки сухопутных войск КНА дислоцированы вдоль границы южнее линии Пхеньян-Вонсан, что существенно облегчает начало внезапного нападения на Южную Корею без демаскирующих мероприятий по предварительной передислокации воинских частей⁴.

Кроме того, несмотря на все внешнеполитические трудности и коллапс экономики, в стране, где за последние 10 лет от голода погибло около 2 млн. чел., КНДР продолжает развивать ракетостроение и наращивать боевой потенциал своих ракетных войск. На сегодняшний день, по российским и иностранным оценкам, ракетные войска КНА располагают 54 пусковыми установками тактических и оперативно-тактических ракет. Первой ракетой, разработанной в Северной Корее, хотя и скопированной с советского «СКАДа», является «Нодон-1». Она может нести боеголовку весом 1200 кг на 1500 км, т.е. является настоящей баллистической ракетой средней дальности, способной поразить Токио, Пекин, Хабаровск.

В середине 90-х годов в КНДР были разработаны и произведены опытные образцы межконтинентальных носителей «Тепходон-1» дальностью 2500 км и «Тепходон-2» — 7000 км. Трёхступенчатая ракета «Тепходон-2» способна доставить боеголовку весом в несколько сотен кг в любую часть территории США.

Десятилетний период военно-ориентированной политики «Сонгун» превратил Северную Корею в крупного продавца оружием. По данным ежегодника Стокгольмского международного института исследований проблем мира, в настоящее время КНДР занимает 29-е место в мире среди основных стран-экспортёров вооружений. С 2000 по 2004 г. было экспортировано обычных вооружений на сумму 96 млн. дол. В частности, в Россию было поставлено 3250 противотанковых ракет АТ-4 и 1250 ПЗРК СА-16, которые производятся по нашей лицензии.

С 1996 по 2002 г. в Сирию было продано 150 ракетных систем «СКАД-С», в Ливию — 5 таких ракет, в Йемен — 45 комплексов, в Пакистан — 2 баллистические ракеты «Тепходон-1». По импорту вооружений КНДР занимает 86-е место в мире⁵.

Безусловно, нельзя обойти молчанием и так называемую «северокорейскую ядерную проблему». По поводу наличия или отсутствия у КНДР ядерного оружия много пишут, спорят, пытаются выдвигать версии. Коротко можно сослаться на слова председателя Комитета по международным делам Госдумы РФ К. Косачёва от 15 мая 2005 г. «...в разговорах с северокорейским руководством, отвечая на вопрос, есть ли у КНДР ядерное оружие, российская делегация получила ответ: Северная Корея уже считает себя государством, обладающим этим оружием».

Таким образом, что же такое «Сонгун» — миф или реальность?

Посмотрим, что по этому поводу думают российские учёные. Ведущие отечественные учёные А. Воронцов, В. Новиков и Г. Булычёв в своём аналитическом докладе «В чём суть выбора в «корейском вопросе»? Пути преодоления кризиса на Корейском полуострове» отмечают: «Рассуждая на тему, насколько опасна КНДР для соседей, вынашивает ли она захватнические замыслы, следует учитывать следующее. И ранее, за всю тысячелетнюю историю корейцы ни

разу не пытались кого-то завоевать, и в настоящее время никаких сколько-нибудь веских причин для агрессии (например, попытка навязать свою идеологию, захватить территорию или экономические ресурсы), а тем более ни малейших шансов на победу в случае подобной авантюры у КНДР нет. Важно, что это отчётливо понимают в Пхеньяне. Вся «военно-ориентированная» риторика и милитаризация, столь поражающие воображения заезжих журналистов и мирных западных обывателей, подчинены лишь стремлению обеспечить жёсткий контроль над обществом и отпугнуть возможных агрессоров.

Если Ким Ир Сен и мог питать иллюзии о насильственном объединении Кореи, то Ким Чен Ир и его окружение думают о самосохранении. Однако это не означает, что они не сознают необходимость перемен». Так думают в Москве.

Несколько по-иному, с большей долей практицизма думают на Дальнем Востоке. Так, профессор В. Ларин в своём докладе «Основные проблемы международных отношений в Восточной Азии в начале 21 века» подчёркивает: «Корейский полуостров — главный источник нестабильности в регионе. В последние 150 лет — это восточноазиатская «пороховая бочка», аналогичная Балканскому полуострову.

Непредсказуемость нынешнего северокорейского руководства — заряженный детонатор для взрыва. К сожалению, угрозы, исходящие с Корейского полуострова, на Дальнем Востоке и в Приморье явно недооцениваются. Ядерные объекты КНДР расположены в нескольких сотнях километров от российской границы, что создаёт — в случае военного конфликта или элементарной аварии — непосредственную и серьёзную угрозу Приморскому краю».

В итоге, по мнению автора, несмотря на разность мнений и пониманий, «Сонгун» — это специфическая реалья сегодняшнего дня. Национальная политическая доктрина «Сонгун» достойна внимания и изучения как способ идеологизации широких слоёв населения и консолидации нации, чего сегодня так не хватает России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дмитриева В.Н. Лозунги и идеологическое воспитание народных масс в КНДР // Сборник докладов VIII научной конференции корееведов: Корея в поисках мира и процветания. М., 2004. С. 166—174.
2. Асмолов К.В. КНДР сейчас — сталинизм, застой или ползучая перестройка? // Проблемы Дальнего Востока. 2005. № 2. С. 44—62.
3. ИТАР-ТАСС. Компас, 2005. № 36.
4. Defense White Paper (Белая книга обороны) // North Korean situation and military threat. The Ministry of National defense the Republic of Korea. 2004. P. 36—46.
5. ИТАР-ТАСС. Пульс планеты: ежедневный бюллетень международной информации. 2005. 17 янв.

SUMMARY. It is very well known that the presence or working out state “doctrines”, “courses”, “politics” is a mirror reflection of the system of home and foreign policy of these states. The basic notion of a new ideological course of Korean People Democratic Republic” is the policy of “Songun”. “North Korean policy of “Songun” (the priority attention to the Army): myth or reality?” is the title of the article by a researcher of the Institute of History V.Yu. Mishin.